

ZBIÓR
ARTYKUŁÓW NAUKOWYCH

PAŃSTWO I PRAWO.

TEORETYCZNE I PRAKTYCZNE ASPEKTY
ROZWOJU WSPÓŁCZESNEJ NAUKI

Częstochowa *(PL)*

30.03.2017 - 31.03.2017

U.D.C. 340+347+342+341+343+347.73+349.4+347.6

B.B.C. 94

Z 40

Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Druk i oprawa: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Adres wydawcy i redakcji: 00-728 Warszawa, ul. S. Kierbedzia, 4 lok.103

e-mail: info@conferenc.pl

Zbiór artykułów naukowych.

Z 40 Zbiór artykułów naukowych. Konferencji Międzynarodowej Naukowo-Praktycznej " Państwo i Prawo. Teoretyczne i praktyczne aspekty rozwoju współczesnej nauki" (30.03.2017 - 31.03.2017) - Warszawa: Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour», 2017. - 104 str.

ISBN: 978-83-65608-49-9

Wszelkie prawa zastrzeżone. Powielanie i kopiowanie materiałów bez zgody autora jest zakazane. Wszelkie prawa do materiałów konferencji należą do ich autorów. Pisownia oryginalna jest zachowana. Wszelkie prawa do materiałów w formie elektronicznej opublikowanych w zbiorach należą Sp. z o.o. «Diamond trading tour». Obowiązkiem jest odniesienie do zbioru.

nakład: 50 egz.

"Diamond trading tour" ©

Warszawa 2017

ISBN: 978-83-65608-49-9

WSPÓŁORGANIZATORZY:

International research group (Belarus, Poland, Russia, Serbia, Ukraine)
Global Management Journal
Virtual Training Centre „Pedagog of the 21st Century”

KOMITET ORGANIZACYJNY:

W. Okulicz-Kozaryn (Przewodniczący), Dr. Hab, MBA, profesor, Akademia im. Jana Długosza w Częstochowie, Polska;
A. Murza (Zastępca Przewodniczącego), MBA, Ukraina;
A. Горюхов, к.т.н., доцент, Юго-Западный государственный университет, Россия;
A. Kasprzyk, PhD, PWSZ im. prof. S.Tarnowskiego w Tarnobrzegu, Polska;
A. Malovychko, PhD, EU Business University, Berlin – London – Paris - Poznań, EU;
L. Nechaeva, PhD, Instytut PNPU im. K.D. Ushinskogo, Ukraina;
М. Ордынская, профессор, Южный федеральный университет, Россия;
S. Seregina, independent trainer and consultant, Netherlands;
M. Stych, PhD, Akademia im. Jana Długosza w Częstochowie, Polska;
A. Tsimayeu, PhD, associate Professor, Belarusian State Agricultural Academy, Belarus.

KOMITET NAUKOWY:

W. Okulicz-Kozaryn (Przewodniczący), Dr. Hab, MBA, profesor, Akademia im. Jana Długosza w Częstochowie, Polska;
С. Беленцов, д.п.н., профессор, Юго-Западный государственный университет, Россия;
Z. Ćekerevac, Dr., full professor, „Union - Nikola Tesla” University Belgrade, Serbia;
Р. Лагупов, д.т.н., профессор, Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ), Россия;
И. Лемешевский, д.э.н., профессор, Белорусский государственный университет, Беларусь;
Е. Чекунова, д.п.н., профессор, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Россия.

SPIS/СОДЕРЖАНИЕ

**ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА В
МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ**

Аминов С.Н., Хасанов Т.Н. 5

ОБХОД ЗАКОНА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аминов С.Н., Хасанов Т.Н. 7

**ДІЯ АКТА ТЛУМАЧЕННЯ ЗА КОЛОМ ОСІБ, ЯКА ПОВ'ЯЗАНА З НАЯВНІСТЮ
В ОСІБ ЮРИДИЧНОГО ІМУНІТЕТУ**

Лепіш Н. Я. 9

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВА**

Приймак М. В. 11

СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Шамсутдинова И.И., Алмоян Н.С., Бердегулова Л.А. 15

**ПРОБЛЕМЫ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ
ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ**

Ядыкин Р.С. 17

**ПОНЯТИЯ «УНИФИКАЦИЯ МЧП» И «УНИФИКАЦИЯ МЧП ЕС»,
ИХ СООТНОШЕНИЕ**

Ядыкин Р.С. 19

ВИДЫ ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Мионов Н.С., Шамин Е.Д. 21

**АДМІНІСТРАТИВНО-ПРАВОВИЙ ПОРЯДОК ВИДВОРЕННЯ ЗА МЕЖІ
КРАЇНИ ІНОЗЕМЦІВ ТА ОСІБ БЕЗ ГРОМАДЯНСТВА**

Павлович-Сенета Я.П. 23

**ОКРЕМІ МЕТОДОЛОГІЧНІ ПІДХОДИ ВИКОРИСТАННЯ СТРОКІВ ПРИ
ВЧИНЕННІ АДМІНІСТРАТИВНИХ ПРАВОПОРУШЕНЬ**

Тимчишин Т.М. 25

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОФФШОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Фаизов Р.М., Хисамутдинов Д. 27

ІНФОРМАЦІЙНА БЕЗПЕКА: ПОНЯТТЯ ТА ВИДИ

Ярема О. Г. 29

**ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ
ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВА**

Приймак М. В. 31

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ВЫМОРОЧНОГО ИМУЩЕСТВА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аминов С.Н., Хасанов Т.Н.

студент 4 курса Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Научный руководитель – доцент кафедры, к.ю.н. *Бердегулова Л.А.*

Ключевые слова: выморочное имущество, международное частное право, правовое положение.

Keywords: escheat property, private international law, legal status.

Выморочным имуществом по российскому законодательству считается имущество в случае, если отсутствуют наследники как по закону, так и по завещанию, либо все наследники отстранены от наследования или никто из наследников не имеет права наследовать, либо никто из наследников не принял наследства, либо все наследники отказались от наследства и при этом никто из них не указал, что отказывается в пользу другого наследника. Институт данного вида имущества имеет большое социальное правовое значение и заключается в устранении возможности существования бесхозяйного имущества умершего, а также негативных последствий, связанных с его наличием.

Формулировка определения обстоятельств, при которых наследственное имущество признается выморочным, в зарубежных законодательных актах более лаконичны.

Например, в Германии указывается на «отсутствие сожителя или супруга, а также родственников» (§1936 ГГУ), во Франции и Швейцарии в качестве условия выморочности называется просто «отсутствие наследников» (ст.466 Швейцарского гражданского кодекса), (ст. 768 Французского Гражданского кодекса).

На практике практически во всех правовых системах встречаются случаи, когда после смерти иностранного гражданина либо лица без гражданства, не имеющего наследников ни по закону, ни по завещанию, к государству переходит имущество

данного лица. В данной ситуации возникает закономерный вопрос, а какое же из двух или нескольких государств, сможет унаследовать такого рода имущество: государство, гражданином которого является данное лицо либо в котором оно проживает, либо государство, на территории которого имущество находилось в момент смерти лица? При этом возникают случаи, когда имущество гражданина может находиться на территории нескольких государств.

Данная правовая проблема решается в различных государствах разными способами.

Первый способ заключается в том, что к государству право собственности на выморочное имущество переходит по праву наследования. Данный способ признается в России, Германии, Италии, Испании, Венгрии, Чехии, Швейцарии и других странах. В частности, в соответствии с п. 2 ст. 1151 ГК РФ «выморочное имущество поступает в порядке наследования в собственность РФ».

Второй способ заключается в том, что имущество становится бесхозным и переходит к государству на праве «оккупации», т.е. завладения происходит по «праву верховной власти», «территориального верховенства», осуществляемого сувереном, на территории которого находится имущество. Данный способ принятия выморочного имущества осуществляется в Англии, США, Франции, Австрии. Согласно порядку, сложившемуся в Англии, основанному на судебной практике и доктрине, к выморочному имуществу в виде движимых ве-

щей, которое после смерти лица осталось в Англии, применяется закон домицилия: если лицо домицилировано в Англии – по ее правопорядку, если оно домицилировано за границей, – по закону того государства, к праву которого коллизонная норма страны домицилия отсылает решение вопроса о том, как переходит имущество в казну государства.

Из вышесказанного можно сделать вывод о том, что различия, сопровождающие указанные конструкции перехода выморочно-го имущества к государству, в действительности имеют далеко идущие последствия. Так, если имущество переходит к государству на праве наследования, то это означает, что государство может претендовать на всю наследственную массу, где бы она ни находилась и в чем бы ни заключалась. Другими словами, в рассматриваемом выше случае

собственность умершего лица, находящаяся за рубежом, также будет принадлежать данному государству – наследнику. Если же имущество становится собственностью государства по праву оккупации, то к нему перейдет только то имущество, которое находится на территории этого государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бердегулова Л.А., Ягафарова А.И. Проблема обратной отсылки в МЧП// Наука и общество в современных условиях. - 2015. - № 1 (3). - С. 145-147;
2. Бердегулова Л.А., Битунов А.Г. Международное частное право и его место в юридической системе // Инновационные процессы и технологии в современном мире. - 2015. - № 1 (3). - С. 151-153;
3. Бердегулова Л.А., Лучкинская Т.А. Частноправовая реторсия в международном частном праве // Наука и общество в эпоху перемен. - 2015. - № 1 (1). - С.104-106;
4. Бердегулова Л.А. Процессуальные особенности рассмотрения дел о восстановлении срока для принятия наследства // Nauka-Rastudent.ru. - 2014. - № 10 (10). - С. 33.

ОБХОД ЗАКОНА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Аминов С.Н., Хасанов Т.Н.

студент 4 курса Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Научный руководитель – доцент кафедры, к.ю.н. *Бердегулова Л.А.***Ключевые слова:** обход закона, злоупотребление правом, противоправная цель.**Keywords:** circumvention of the law, abuse of law, unlawful purpose.

«Законы — это паутина: крупные мухи сквозь нее прорываются, а мелкие — застревают», — рассуждал французский философ и правовед Шарль Монтескье XVIII века. Однако даже в наши дни данное высказывание не потеряло свою актуальность. Несмотря на многообразие правовых норм как во внутригосударственном, так и в международном праве, на практике лицам удается найти «лазейку» в законе. В частности, в теории международного частного права существует понятие «обход закона».

Само понятие «обход закона» носит довольно неопределенный характер. В частности, оно может противопоставляться понятию «нарушение закона», так и использоваться для обозначения злоупотребления правом. Иными словами, обход закона — это целенаправленное создание таких условий, которые позволяют лицам уклоняться от «неблагоприятных» правовых норм и прибегнуть к желаемому законодательству. Говорить об обходе закона возможно лишь в том случае, если имело место изъятие правоотношения из правопорядка которому оно фактически должно быть подчинено, и передано под действие наиболее благоприятного другого правопорядка, а также если такой обход был совершен умышленно, сознательно. На практике с обходом закона очень часто можно столкнуться в сфере брачно-семейных отношений. Одним из ярких примеров обхода закона в истории служит дело княгини де Бофремон (Франция, 1878 год). Княгиня де Бофремон сбегала от мужа с князем Бибеску. Французские законы того времени не допускали раз-

вода. Тогда княгиня вместе с Бибеску переехала в герцогство Саксен-Альтенбургское и приняла соответствующее подданство. Местные законы допускали развод. Княгиня получила развод, вышла за Бибеску и тут же вернулась во Францию. Князь де Бофремон подал иск о признании брака княгини с Бибеску недействительным, и французский суд этот иск удовлетворил. Кассационный Суд утвердил это решение, сославшись на «принцип французского права о нерушимости брака». Упомянутый пример весьма наглядно показывает, каким образом может использоваться понятие «обход закона» в международном частном праве.

Также необходимо отметить, что суд вправе отказать в применении норм другого государства, если усматривается умышленная попытка обойти национального законодательство. Однако и современная практика знает немало случаев, когда предпринимались попытки обойти закон. Например, законодательством Российской Федерации не предусматривается легализация однополых браков. Однако российские граждане могут получить гражданство другого государства, где такие браки официально разрешены, и зарегистрировать там брак, но тем не менее в нашей стране такой брак признан не будет. Но указанный факт не означает, что при жизни один из пары не может завещать имущество своему однополему супругу либо обязать третье лицо исполнить завещание в его пользу, так как ст. 1119 Гражданского кодекса Российской Федерации устанавливает свободу завещания. Таким образом, произошел обход закона.

Понятие «обход закона» может не применяться Европейским судом по правам человека, оно лишь используется в качестве доводов сторонами при судебном разбирательстве. При разрешении споров суд обращается к положениям Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Например, Дело «Вагнер (Wagner) и J. M. W.L против Люксембурга». В данном случае Европейский суд по правам человека признал отсутствие попытки «обхода закона» со стороны незамужней подданной Люксембурга Вагнер, которая усыновила ребенка в Перу по законам этой страны (законы Люксембурга не позволяли усыновление лицам, не состоящим в браке), и затем попыталась признать усыновление со стороны властей Люксембурга, в чем ей было отказано со ссылкой на «обход закона». ЕСПЧ признал наличие нарушения ст. ст. 14 («Запрещение дискриминации») и 8 («Право на уважение частной и семейной жизни») со стороны Люксембурга.

Таким образом, понятие «обход закона» не имеет четкого определения. Национальное законодательство стран может как признавать данную категорию и закреплять ее законодательно, так и не предусматривать совсем. Факт обхода закона устанавливается только судом. Стоит отметить, что сфера распространения обхода закона несколько сужается, но в связи с изменениями, происходящими в обществе, она приобретает новые формы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бердегулова Л.А., Ягафарова А.И. Проблема обратной отсылки в МЧП // Наука и общество в современных условиях. - 2015. - № 1 (3). - С. 145-147;
2. Бердегулова Л.А., Битунов А.Г. Международное частное право и его место в юридической системе // Инновационные процессы и технологии в современном мире. - 2015. - № 1 (3). - С. 151-153;
3. Бердегулова Л.А., Лучкинская Т.А. Частноправовая реторсия в международном частном праве // Наука и общество в эпоху перемен. - 2015. - № 1 (1). - С. 104-106.

Теория и история государства и права.

ДІЯ АКТА ТЛУМАЧЕННЯ ЗА КОЛОМ ОСІБ, ЯКА ПОВ'ЯЗАНА З НАЯВНІСТЮ В ОСІБ ЮРИДИЧНОГО ІМУНІТЕТУ

Лепіш Наталія Ярославівна

кандидат юридичних наук, доцент кафедри адміністративно-правових дисциплін
Львівський державний університет внутрішніх справ

Дію актів тлумачення норм права за колом осіб характеризують відповідно до того, на яких саме суб'єктів права поширюється формальна обов'язковість юридичних норм, зміст яких пояснено в інтерпретаційних актах. Ця юридична властивість таких актів значною мірою визначається чинністю у часі та чинністю у просторі, адже будь-який суб'єкт не може не перебувати на якійсь території (де поширюється або ж не поширюється чинність акта) і не діяти в певному часі (на який також поширюється чи не поширюється чинність акта).

Щодо дії нормативних актів за колом осіб, дію актів тлумачення за колом осіб можна визначити залежно від обсягу їх правового статусу:

а) загальної дії – поширюються на всіх осіб, що перебувають на території держави: громадяни, іноземні громадяни; особи без громадянства (апатриди), особи з подвійним громадянством (біпатриди), біженці; почесні громадяни, усі внутрішньодержавні, спільні, іноземні, міжнародні організації, які не послуговуються правом екстериторіальності. Тут виявляється тісний зв'язок дії акта тлумачення за колом осіб та у просторі;

б) спеціальної дії – деякі інтерпретаційні акти поширюються на всіх індивідуальних і колективних суб'єктів певної держави, що діють у конкретній сфері суспільних відносин; інші охоплюють лише конкретну категорію осіб (пенсіонерів, військовослужбовців, лікарів, учителів та ін.);

в) виняткової дії – поширюються на осіб, що тимчасово перебувають на території держави (іноземних громадян та осіб без громадянства). Так, іноземним громадянам

не надаються окремі права і на них не покладаються певні обов'язки: обирати і бути обраними у представницькі органи країни, бути суддями, перебувати на службі у Збройних Силах [1, с. 379].

Дія акта тлумачення за колом осіб пов'язана також з наявністю чи відсутністю в осіб юридичного імунітету. Юридичний імунітет (від латин. *immunitas* – звільнення, свобода) означає повне або часткове звільнення його носія від поширення на його дії загальних правових норм. У міжнародному праві утвердилося поняття дипломатичного імунітету [2, с. 297].

До іноземців, які мають повний імунітет від юрисдикції України, належать глави дипломатичних представництв, члени дипломатичного персоналу представництв, члени сімей глав дипломатичного персоналу представництв і члени сімей дипломатичного персоналу представництв, представники іноземних держав (глави держав, урядів тощо), члени парламентських і урядових делегацій, працівники окремих міжнародних організацій. Проте на цих осіб не поширюється імунітет від цивільно-правових відносин як приватні особи з відповідними позовами, за умови, що це виходить за межі їх офіційних функцій [3, с. 139].

Обмежений дипломатичний імунітет мають дипломатичні кур'єри, члени адміністративно-технічного й обслуговуючого персоналу дипломатичних представництв, консульські посадові особи і консульські службовці, члени дипломатичного персоналу іноземних держав в інших країнах, які прямують транзитом через територію України, та інші особи. Ці особи звільняються від

кримінальної відповідальності лише за дії, вчинені під час виконання їхніх обов'язків.

Нормами національного законодавства можуть бути встановлені депутатський, президентський, суддівський та інші види імунітету.

Дія акта тлумачення норм права за колом осіб органічно пов'язана з дією акта тлумачення в просторі. Територіальний принцип дії акта тлумачення у просторі має визначатися як поширення дії акта тлумачення на всіх осіб незалежно від їхнього громадянства, які перебувають на території держави. У демократичній державі іноземці за своїм правовим статусом прирівнюються переважно до громадян, за окремими, вказаними в законі винятками. Спеціальні правила для іноземців можуть встановлюватися також міжнародно-правовими договорами між державами.

Оскільки громадянство визначається як політико-правовий зв'язок між державою та особою, то логічним є те, що різниця в дії акта тлумачення щодо іноземців насамперед має зумовлюватися відсутністю в іноземних громадян відповідних політичних (і похідних від них) прав і кореспондуючих цим правам обов'язків. Разом з тим сучасні держави досить часто практикують встановлення обмежень для іноземців у сфері соціально-економічних прав [4].

Зауважимо, що дія акта тлумачення стосовно іноземців ґрунтується і на міжнарод-

ному праві, на основі принципу взаємності. Принцип взаємності в міжнародному праві спрямований на недопущення дискримінації стосовно громадян іноземних держав. Під цим принципом розуміють надання іноземним громадянам такого обсягу прав, який був би максимально наблизений до того, який мають громадяни на території своєї держави. Відхід однієї держави від цього принципу має наслідком аналогічні дії іншої держави. Це положення підтверджує ч. 3 ст. 2 вже згаданого Закону України «Про правовий статус іноземців та осіб без громадянства», де вказано, що якщо іноземна держава встановила обмеження щодо реалізації прав і свобод громадянами України, Кабінет Міністрів України може прийняти акт тлумачення у вигляді рішення про встановлення відповідного порядку реалізації прав та свобод громадянами цієї держави на території України.

Список використаних джерел

1. Скакун О. Ф. Теорія держави і права : підруч. / О. Ф. Скакун. – К. : Алерта ; КНТ ; ЦУЛ, 2009. – 520 с.
2. Загальна теорія держави і права : [підруч. для студ. юрид. ВНЗ] / М. В. Цвік, О. В. Петришин, Л. В. Авраменко та ін. – Х. : Право, 2009. – 584 с.
3. Конституційне право України : навч. посіб. / за ред. проф. Ю. І. Крегула. – 2-ге вид., допов. – К. : Київ. нац. торг.-екон. ун-т, 2012. – 528 с.
4. Малишев Б. В., Москалюк О. В. Застосування норм права (теорія і практика) : навч. посіб. / Б. В. Малишев, О. В. Москалюк ; за заг. ред. Б. В. Малишева. – К. : Реферат, 2010. – 260 с.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВА

Приймак М. В.,

Национальный университет обороны Украины имени Ивана Черняховского,
г. Киев

В статье проведен анализ методических подходов к оценке эффективного обеспечения безопасности объектов информационной инфраструктуры государства. Рассмотрены принципы и определения критических объектов инфраструктуры.

Ключевые слова: информационная инфраструктура государства, критический объект, информационная безопасность.

В связи с тем, что Украина де-факто находится в состоянии вооружённого конфликта, причём на своей территории, приходится рассматривать информационную сферу именно как ещё одно пространство противоборства. Объектами опасного информационного воздействия и, следовательно, информационной безопасности являются множество объектов информационной инфраструктуры государства (ИИГ), как государственных, так и частных.

Анализ источников [1–3] показал, что общепринятые подходы по определению критических (наиболее важных) объектов ИИГ, методы, которые определяют, возможные мероприятия и задачи по их защите находятся в стадии постоянного совершенствования вследствие увеличения и изменения угроз, воздействующих на эти объекты.

События последних лет, такие как атаки на энергетические объекты Украины с помощью программы BlackEnergy, применение кибероружия (Stuxnet и др.), физический захват объектов [4], **остро ставят вопрос о создании эффективной государственной системы защиты (координации защиты) критических объектов информационной структуры от деструктивных физических и информационных воздействий.**

Это порождает необходимость в определении сущности критических объектов информационной инфраструктуры государства, которые будут учитывать чрезмерную уязвимость всех без исключения каналов связи и

медиаконтента, основанных преимущественно на использовании наземной инфраструктуры [5].

Целью статьи является рассмотрение методических подходов к оцениванию эффективности обеспечения безопасности объектов ИИГ и предлагается формализованная модель функционирования объектов ИИГ.

Управление безопасностью объектов информационной инфраструктуры государства занимает всё более значимое место в функционировании государства [6], применяющего современные технологии сбора, хранения и обработки информации. Данный процесс основывается на периодическом проведении анализа информационных рисков, который позволяет своевременно выявлять угрозы информационной безопасности, уязвимости информационной системы, внедрять соответствующие мероприятия по их нейтрализации и, как следствие, постоянно отслеживать состояние информационной безопасности в государстве, учитывая новые угрозы и уязвимости.

В настоящее время используется множество разнообразных методик анализа информационных рисков, основное отличие которых заключается в применяемых шкалах оценивания уровня риска: количественных или качественных [7–10].

В количественных методиках риск оценивается через числовое значение. В качестве входных данных для оценивания обычно используют накопленную статистику

стическую информацию об инцидентах [11–12]. Однако частое отсутствие достаточного количества статистических данных приводит к снижению адекватности результатов оценивания.

Качественные методики более распространены [13–15]. Оценивание проводится на основе экспертных опросов, а перспективные интеллектуальные методы пока применяются недостаточно [16].

Исхода из проведенного анализа методик, можно сделать вывод, что большинство из них базируется на эвристических и/или эмпирических подходах, которые не учитывают новых видов угроз для ИИГ, особенно в сфере киберпространства. Большинство из этих методов являются детерминированными, что не учитывает динамику процесса подготовки объектов к началу активной фазы, после наступления которой они могут быть захвачены или нейтрализованы.

Такая ситуация вызывает необходимость решения задачи – **построение модели функционирования ИИГ**, которая учитывала бы неопределенность периода подготовки объектов ИИГ к активной фазе и разнообразие угроз, влияющих на объекты ИИГ.

Исходными данными для создания такой модели будут: показатель уязвимости информационной инфраструктуры государства (Z) – комплексная величина, определяемая как функция (или функционал) ряда факторов, таких как: важность объектов информационной инфраструктуры (W); угроза информационной безопасности (P); потенциально возможный ущерб (R); уязвимость объектов информационной инфраструктуры (U) и время до начала активной фазы (период подготовки объектов к определенному моменту времени) (T).

В предложенной модели подготовка объектов рассматривается как дискретный процесс, созданный множествами параметров ИИГ, в определенные моменты времени $T = \{t_0, t_1, t_2, \dots, t_j\}$, с момента, когда начинается подготовка объектов ИИГ (t_0) и к некоторому моменту (t_j), который отвечает моменту начала активной фазы. Сложность определения момента t_j и, соответ-

ственно, длительности периода подготовки объектов ИИГ приводит к тому, что нужно стремиться достичь максимального эффекта защиты этих объектов на каждом шаге моделирования. Поэтому главным критерием функционирования такой системы является минимизация уязвимости информационной инфраструктуры государства.

$$Z = f(W, P, R, U, T) \rightarrow \min (1)$$

Шаг моделирования определяется исходя из длительности периода подготовки объектов к определенному моменту времени t_j и должен быть таким, чтобы за это время можно было провести действия по защите объекта, с привлечением внешних средств, или организационными мероприятиями.

Такой подход позволит реализовать принцип естественного эшелонирования защиты и глобальной диверсности.

Основные же **сложности анализа угроз связаны с оценкой риска информационной безопасности и его факторов** (угроз, возможного ущерба, уязвимостей). Это вызвано следующими проблемами:

1. Неполнотой информации о составляющих риска и их неоднозначные свойства.
 2. Сложностью создания модели информационной инфраструктуры и оценивания её уязвимости.
 3. Длительностью процесса оценивания и быстрой потерей актуальности его результатов.
 4. Сложностью агрегации данных из различных источников, в том числе статистической информации и экспертных оценок.
 5. Необходимостью привлечения нескольких специалистов по анализу рисков для повышения адекватности оценивания (как минимум специалистов правоохранительной, технической и кибербезопасности).
- Особого внимания заслуживают методы (методики) определения параметров объектов ИИГ**, таких как: вес объектов в системе (ранжирование), определение их уязвимостей и мероприятий по нейтрализации деструктивных влияний.

Примером определения степени уязвимости объектов государственной инфра-

структуры может служить методика, разработанная министерством внутренней безопасности США. В ее основу положена так называемая модель определения приоритетности объектов основных фондов военно-промышленной базы (The Asset Prioritization Model – (APM)) [17]. Суть ее заключается в расчете индекса рискованности объекта, зависящего от рейтинга объекта по шкале категории факторов и «веса» данного фактора. Методика может быть использована при оценке уязвимости объектов и секторов критической инфраструктуры, в том числе информационной. В этой модели значительно упрощен порядок определения рейтинга объекта с точки зрения оцениваемых параметров – от 1 до 3, где 1 – объект наименее важен, а 3 – объект наиболее важен (в других странах используется 4- или 5-значный рейтинг).

После описания взаимозависимости объектов критической инфраструктуры ведется поиск наиболее уязвимых из них, воздействие на которые может оказать наиболее негативный эффект на всю инфраструктуру. При этом решается ряд задач, общее количество которых может варьироваться в зависимости от целей исследования и анализируемой ИИГ. Поиском ключевых объектов, воздействие на которые может оказать наиболее негативный эффект, исследование критической инфраструктуры не ограничивается. Это только первый шаг, после чего, как правило, проводится оценивание уязвимости вскрытых «центров тяжести» с помощью метода построения дерева отказов, трансформирующегося в дерево событий, что позволяет определить возможные степени уязвимости инфраструктуры, а также их вариации. Дерево отказов представляет собой бинарное дерево со всеми возможными логическими событиями для каждого потенциального отказа. Именно дерево отказов и событий позволяют сформулировать и разработать возможные мероприятия по защите критических объектов ИИГ.

На следующем этапе разрабатываются алгоритмы оценивания рисков, смысл которых состоит в определении ресурсов, необходимых для обеспечения безопасности

наиболее важных из выявленных критических объектов информационной инфраструктуры. При этом одним из главных условий остается соблюдение критерия «стоимость – эффективность», а ключевая проблема состоит в том, чтобы правильно выбрать способы и средства для организации защиты или воздействия [18,19].

В итоге получаем систему мероприятий по нейтрализации (минимизации) угроз объектам ИИГ и величины возможного ущерба.

При этом **основными задачами обеспечения** безопасности объектов информационной инфраструктуры должны являться:

Систематическое выявление и устранение угроз опасности и их источников.

Развитие и совершенствование системы обеспечения безопасности объектов ИИГ, реализующей единую государственную политику в этой области, включая разработку новых и совершенствование существующих способов, методов и средств выявления, оценивания, прогнозирования, нейтрализации и ликвидации угроз, а также средств и методов противодействия этим угрозам.

Эффективное противодействие угрозам на объекты ИИГ.

Разработка основных направлений государственной политики в области обеспечения безопасности объектов ИИГ, а также мероприятий и механизмов, связанных с реализацией этой политики.

Разработка критериев и методов оценивания эффективности системы обеспечения безопасности объектов ИИГ.

Совершенствование нормативно-правовой базы по обеспечению безопасности объектов ИИГ.

Координация деятельности органов государственного управления в области обеспечения безопасности объектов ИИГ.

Разработка научно-практических основ обеспечения безопасности объектов ИИГ.

Разработка и реализация целевых программ, направленных на обеспечение безопасности объектов ИИГ.

Совершенствование приемов, способов, методов и средств безопасности объектов

ИИГ от информационно-технических и информационно-психологических воздействий противоборствующей стороны.

Обеспечение безопасности объектов информационной инфраструктуры должно представлять собой систему мероприятий по деятельности субъектов информационной безопасности по выявлению и ликвидации (нейтрализации) угроз таким объектам, снижению рисков и величины возможного ущерба. Мировой опыт говорит о необходимости создания целостной государственной (межгосударственной) системы защиты ИИГ, сочетающей организационные, оперативные и технические меры нейтрализации различных угроз, которые постоянно развиваются, что требует совершенствования системы защиты ИИГ.

Таким образом, в статье проведен анализ методических подходов к оцениванию обеспечения безопасности объектов информационной инфраструктуры государства, приведено описание формальной модели функционирования объектов ИИГ и рассмотрены принципы определения критических объектов такой структуры и задачи по обеспечению безопасности ИИГ.

Литература

1. Харченко В.С., Одарушенко О.Н., Иванченко О.В. Принципы анализа и управления безопасностью критических инфраструктур // Вісник Хмельницького національного університету, 2010, №5. – с. 218-221.
2. Casalicchio, E., Galli, E., Tucci, S.: Federated agent-based modeling and simulation approach to study interdependencies in IT critical in-frastructures. In: 11th IEEE Symp. on Distributed Simulation & Re-al-Time App. IEEE Computer Society, Los Alamitos, 2007.
3. Pederson. P. et al.: Critical Infrastructure Interdependency Modeling: A Survey of U.S. and International Research. Technical Report. Ida-ho National Lab, August 2006.
4. Зелена книга з питань захисту критичної інфраструктури в Україні: аналітична доповідь / Д.С. Бірюков, С.І. Кондратов, О.І. Насвіт, О.М. Суходоля. – К. : НІСД, 2015. – 35 с.
5. Европейський досвід розбудови системи захисту критичної інфраструктури: уроки для України. – НІСД. : <http://www.niss.gov.ua/articles/1371>.
6. Uniting and strengthening America by providing appropriate tools required to intercept and obstruct terrorism (USA PATRIOT ACT, 2001) : <http://frwebgate.access.gpo.gov>.
7. Beyer. U., Flentge. F.: Towards a Holistic Metamodel for Systems of Critical In-frastructures. In: ECN CIP Newsletter, October/November 2006.
8. Pederson. P. et al.: Critical Infrastructure Interdependency Modeling: A Survey of U.S. and International Research. Technical Report. Ida-ho National Lab, August 2006.
9. Carreras, B.A., Dobson, I., Newman, D.E.: A loading dependent model for probabilistic cascading failure. Probability in the Engineer-ing and Informational Sciences 19, 15–32, 2005.
10. Romani, F., Chiaradonna, S., Di Giandomenico, F., Simoncini, L.: Simulation models and implementation of a simulator for the per-formability analysis of electric power systems considering interdependencies. In: 10th IEEE High Assurance Systems Engineering Symposium (HASE 2007), pp. 305–312, 2007.
11. Шелупанов А.А., Шумский А.А. Системный анализ в защите информации. М.: Изд-во «Гелиос АРВ», 2005, 224 с.
12. Малюк А.А. Информационная безопасность: концептуальные и методологические основы защиты информации. Учеб. пособие для вузов, М.: Изд-во «Горячая линия-Телеком», 2004, 280 с.
13. Чукалев И.И. Методика построения и нечеткая модель оценки защищенности и выбора классов мероприятий по минимизации рисков на основе нейронечеткого классификатора // Известия Смоленского государственного университета. 2015. № 2-1. С. 312-319.
14. Бутусов И.В., Нащекин П.А., Романов А.А. Теоретико-семантические аспекты организации комплексной системы защиты информационных систем // Вопросы кибербезопасности. 2016. № 1 (14). С. 9-16.
15. Чукалев И.И. Система комплексной защиты функционально-ориентированных информационных ресурсов информационно-управляющих систем // Системы компьютерной математики и их приложения. 2016. № 17. С. 85-88.
16. Inmon W. H. Building the Data Warehouse. – Wiley, 2006.
17. Fast Analysis Infrastructure Tool Department of Homeland Security's Information Analysis and Infrastructure Protection. National Infrastructure Simulation and Analysis Center (NISAC).
18. Бараник, А., Клементьев С. Организация обеспечения безопасности критической инфраструктуры в США // М: Зарубежное военное обозрение №8, 2009, С.3-10.
19. Кондратьев А. Современные тенденции в исследовании критической инфраструктуры в зарубежных странах // Зарубежное военное обозрение. 2012. №1. С. 19-30.

СУБЪЕКТЫ МЕЖДУНАРОДНОГО ЧАСТНОГО ПРАВА

Шамсутдинова И.И., Алмоян Н.С.,

Бердегулова Л.А.,

канд. юр. наук, доцент СФ БашГУ

Башкирский государственный университет, Стерлитамакский филиал

Ключевые слова: гарантии, государство, правовой нигилизм .

IN THE ARTICLE THE PROBLEMS OF EMPLOYMENT AND EMPLOYMENT IN RUSSIA.

Keywords: guarantee, state, legal, nihilism.

В любом государстве общественные отношения регулируются правом, а право, в свою очередь, представляет собой систему юридических норм, фиксирующих определенные отношения. Право охраняет общеобязательные правила поведения, а также закрепляет права и обязанности лиц.

Международное частное право призвано регулировать взаимоотношения между субъектами МЧП. Особенность положения субъектов МЧП состоит в том, что они выступают не только носителями прав и обязанностей, но и играют главную роль в создании и реализации международно-правовых норм.

Основными субъектами МЧП являются физические и юридические лица, в некоторых случаях – государства. Данные субъекты занимают особое место в международном частном праве.

Субъекты международного частного права (МЧП) – это участники гражданских правоотношений, осложненных «иностранным элементом»[1].

Под иностранным элементом понимаются имущественные отношения, где субъектом выступает сторона, имеющая иностранное подданство; субъекты принадлежат одному государству, а объект находится за границей; возникновение, изменение или прекращение отношений, связанных с юридическим фактом, имеющим место за границей.

К числу субъектов международного частного права относятся:

1) физические лица (граждане; лица без гражданства – апатриды; иностранные граждане; лица, имеющие двойное гражданство – бипатриды);

2) юридические лица (государственные организации, частные фирмы, предприятия, научно-исследовательские и иные организации);

3) государства;

4) нации и народы, борющиеся за свободу и независимость, и создание собственной государственности в лице своих руководящих органов (к их числу относятся, например, Организация Освобождения Палестины);

5) международные межправительственные организации;

6) государственно-подобные образования, являющиеся субъектами международного публичного права (к ним относятся вольные города и

Ватикан – резиденция главы римско-католической церкви)[2].

Физические и юридические лица, как субъекты международного частного права являются участниками правоотношений по МЧП независимо от того, кто является другой стороной в правоотношении: МЧП будет регулировать отношения как между двумя физическими или между двумя юридическими лицами, так и между физиче-

ским или юридическим лицом, с одной стороны, и государством или другим субъектом международного публичного права – с другой.

Государства; нации и народы, борющиеся за независимость и создание собственной государственности; международные межправительственные организации; государственно-подобные образования, как субъекты МЧП только тогда будут входить в состав правоотношения, регулируемого нормами МЧП, когда будет выполнено следующее условие: контрагентом по сделке (или другой стороной в правоотношении) будет физическое, либо юридическое лицо.

Отношения, связанные с правом, в которых принимают участие два государства, либо же межправительственные организации, государство или межправительственная организация, не будут регулироваться нормами МЧП, так как данный вопрос регулируется нормами публичного права.

Следует отметить, что для того чтобы правоотношение регулировалось нормами МЧП одним участником должен быть субъект международного публичного права, а другой стороной физическое или юридическое лицо.

Подводя итог, хочется отметить, что субъекты МЧП имеют своё правовое положение, свои юридические категории. Для физических лиц это дееспособность и правоспособность. Для юридических – личный статус и «национальность». Для характеристики данных понятий более подходящими определениями являются государственный суверенитет, суверенитет народов и наций[3].

Литература

1. Учебник / Л.П. Ануфриева. — М.: Издательство БЕК, 2000. — 656 с.
2. Сборник нормативных документов: Учебное пособие студента. — М.: «Издательство ПРИОР», 2000. — 368 с.
3. Н.Ю. Ерпылева, И.В. Гетьман-Павлова; Под ред. Н.Ю. Ерпылевой. — М.: Эксмо, 2007. — 768 с. — (Российское юридическое образование. Практикум)

ПОД – СЕКЦИЯ 18. Международное частное право

ПРОБЛЕМЫ КОЛЛИЗИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ АЛИМЕНТНЫХ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Ядыкин Р.С.

студент 4 курса Стерлитамакского филиала
ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»
Научный руководитель – доцент кафедры, к.ю.н. *Бердегулова Л.А.*

Ключевые слова: коллизия, алименты, международное частное право, исполнение иностранных судебных решений.

Keywords: conflict, child support, international private law, enforcement of foreign judgments.

Признание и принудительное исполнение иностранных судебных решений о взыскании алиментов во многих случаях сопряжено со значительными сложностями и препятствиями законодательного характера.

Наличие иностранного элемента обуславливает коллизионную проблему выбора права, применимого к алиментным обязательствам, осложненным иностранным элементом. С одной стороны, в силу ст. 409 ГПК РФ в России признаются и исполняются иностранные судебные решения, только если это предусмотрено международным договором Российской Федерации. С другой стороны, Россия в настоящее время не участвует ни в одной универсальной международной конвенции по признанию и исполнению судебных решений о взыскании алиментов. Международная универсальная конвенция о признании и исполнении иностранных решений по гражданским делам вообще отсутствует и в настоящее время лишь разрабатывается. Российская Федерация является участницей региональной Минской конвенции 1993 г. «О правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам», заключенной между странами СНГ.

В соответствии с Минской конвенцией страны – участницы признают и исполняют судебные решения друг друга, в том числе решения, вынесенные по алимент-

ным делам. Как представляется, Российской Федерации в первую очередь необходимо присоединиться к Гаагской конвенции о международном взыскании алиментов на детей и других формах содержания семьи от 23 ноября 2007 г. и к Протоколу о праве, применимом к алиментным обязательствам, от 23 ноября 2007 г., дополняющему Конвенцию 2007 г.

Конвенция от 23 ноября 2007 г. совмещает максимальную эффективность механизма международного взыскания алиментов с гибкостью, необходимой для ратификации как можно большим количеством государств. В Конвенции 2007 г. устанавливается, что государства, к которым поступит обращение с просьбой обеспечить выплату алиментов детям их граждан, должны будут «применять, по крайней мере, тот же набор принудительных мер», какие применяются в случаях, касающихся выплат алиментов в пределах этих государств. Конвенция упростила процедуры взыскания алиментов в случаях, когда один из родителей находится на территории другого государства и не перечисляет ежемесячно средства на содержание ребенка.

В настоящее время действует Гаагская конвенция о праве, применимом к алиментным обязательствам, от 2 октября 1973 г. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и

уголовным делам (Минск, 22 января 1993 г.) с Протоколом от 28 марта 1997 г., наряду с другими соглашениями, решает вопросы применимого права по семейным делам (разд. II, ч. III, ст. 26 - 37). Обязательства родителей по содержанию детей определяются законодательством договаривающегося государства, на территории которого находится их совместное место жительства. Субсидиарная привязка к законодательству государства, гражданство которого имеет ребенок, применяется в случае, если родители и дети не имеют совместно места жительства. Наконец, по требованию истца к алиментным обязательствам может быть применено законодательство договаривающегося государства, на терри-

тории которого постоянно проживает ребенок. Договаривающиеся стороны оказывают друг другу помощь в розыске ответчика по делам о взыскании алиментов, когда есть основание полагать, что ответчик находится на территории другой договаривающейся стороны и судом вынесено определение об объявлении его розыска (п. 5 ст. 32 Конвенции).

СПИСОК

ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бердегулова Л.А., Битунов А.Г. Международное частное право и его место в юридической системе // Инновационные процессы и технологии в современном мире. - 2015. - № 1 (3). - С. 151-153;
2. Бердегулова Л.А., Лучкинская Т.А. Частноправовая реторсия в международном частном праве // Наука и общество в эпоху перемен. - 2015. - № 1 (1). - С. 104-106.

ПОД – СЕКЦИЯ 18. Международное частное право

ПОНЯТИЯ «УНИФИКАЦИЯ МЧП» И «УНИФИКАЦИЯ МЧП ЕС», ИХ СООТНОШЕНИЕ

Ядыкин Р.С.

студент 4 курса Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Научный руководитель – доцент кафедры, к.ю.н. *Бердегулова Л.А.*

Ключевые слова: международное частное право, унификация, ЕС, международный договор, единообразная норма права.

Keywords: private international law, the unification of the EU, an international treaty, a uniform rule of law.

В настоящее время государства ведут активную правовую политику, направленную на создание единообразных правовых норм. Данный процесс носит название «унификация», который приобретает все большие масштабы в правовой действительности. Результатом исследований специалистов в области МЧП становится выявление тенденции к унификации законодательства в области МЧП. Данное правовое явление обладает характерной особенностью, такой как: взаимозависимость между созданием унифицированных норм МЧП и их имплементацией на национальном уровне. Для проведения эффективной унификации требуется обработка большого массива правовых норм. Распространен подход, согласно которому под «унификацией МЧП» понимается создание единообразных правовых норм в определенной сфере общественных отношений. Предполагается, что унификация получает внешнее законодательное закрепление в международных договорах. Для формулирования четкого понятия унификации МЧП необходимо понимать, какие способы унификации существуют. До недавнего времени основным способом унификации МЧП выступали международные договоры с единообразным законом в качестве приложения, которое присоединившись к договору государства должны были имплементировать в свою национальную систему права. Однако подобный способ унификации является неэффективным, по-

скольку единообразный закон, расцениваемый национальными судами как часть внутреннего права, теряет международный характер. Данная проблема приводит к противоречиям при создании унифицированного законодательства. С середины XX века стало очевидно, что проведение унификации МЧП возможно не только с помощью международных договоров, но и с использованием конвенций, регламентов и международных обычаев.

Процесс унификации МЧП проходит как на международном, так и на региональном уровне, особенно в рамках ЕС. Формирование унифицированной правовой системы ЕС происходило поэтапно и обладало определенными особенностями. Необходимо отметить, что перед ЕС не стояла цель сближения права, данный процесс происходил опосредованно в сферах, необходимых для функционирования единого рынка на всей территории ЕС. Единое понятие сложившейся унифицированной правовой системы дать затруднительно. Используются понятия: «европейское право», «право Европейского сообщества», «право ЕС» и другие. Последний вопрос, который необходимо рассмотреть в данном параграфе, — это отношение универсальных актов МЧП и унифицированного МЧП ЕС. Государства-члены ЕС, создавая региональную унифицированную правовую систему МЧП, не могут игнорировать процесс унификации универсального уровня. По мнению Ю. Ба-

зедова, с одной стороны, ЕС в целом должен выступать участником международных унифицированных соглашений. В настоящее время лишь отдельные государства-члены ЕС являются участниками ряда международных договоров ООН, Гаагской конференции по МЧП и других. С другой стороны, участие ЕС в целом может оказать давление государств-членов как интеграционного объединения в вопросах установления содержания правовых норм. Нормы МЧП ЕС должны иметь приоритет по сравнению с универсальными нормами МЧП, из чего следует, что обязательства ЕС по международным договорам будут уступать обязанностям в рамках ЕС. Стоит учитывать, что данный подход приведет к нарушению принципа *pacta sunt servanda*. В данной ситуации может возникнуть коллизия: обязательства членов ЕС по договорам ЕС приходят в противоречие с обязательствами по соглашениям, заключенным за рамками ЕС.

Примером отрицания возможности данной коллизии является положение Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которому государство не может ссылаться на положения своего национального законодательства в обоснование невыполнения обязательств по международному договору.

СПИСОК

ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бердегулова Л.А., Ягафарова А.И. Проблема обратной отсылки в МЧП // Наука и общество в современных условиях. - 2015. - № 1 (3). - С. 145-147;
2. Бердегулова Л.А., Битунов А.Г. Международное частное право и его место в юридической системе // Инновационные процессы и технологии в современном мире. - 2015. - № 1 (3). - С. 151-153;
3. Бердегулова Л.А., Лучкинская Т.А. Частноправовая реторсия в международном частном праве // Наука и общество в эпоху перемен. - 2015. - № 1 (1). - С. 104-106;
4. Бердегулова Л.А. Процессуальные особенности рассмотрения дел о восстановлении срока для принятия наследства // Nauka-Rastudent.ru. - 2014. - № 10 (10). - С. 33.

ПОД – СЕКЦИЯ 18. Международное частное право

ВИДЫ ПУБЛИЧНОГО ПОРЯДКА В МЕЖДУНАРОДНОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ

Миронов Н.С., Шамин Е.Д.

студент 4 курса Стерлитамакского филиала ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет»

Научный руководитель – доцент кафедры, к.ю.н. **Бердегулова Л.А.**

Ключевые слова: публичный порядок, виды публичного порядка, международное частное право.

Keywords: public policy, types of public policy, international private law.

Для того, чтобы определить, какие существуют виды публичного порядка в практике государств, необходимо понять, что такое публичный порядок (public policy), так как на сегодняшний день нет точного определения и конкретного содержания. Проанализировав мнения ряда авторов, можно выделить несколько элементов, которые чаще всего упоминаются в содержании данного понятия: первое – это основополагающие принципы определенного государства, второе – нормы морали и справедливости, и третье, что, по нашему мнению, является самым важным в определении публичного порядка – это первостепенные интересы самого государства и его граждан.

Исходя из этого, под публичным порядком следует понимать «наличие основополагающих и продуцирующих целостность социальной общности правил, требований, норм, которые имеют морально-нравственную платформу». В XIX веке внимание швейцарского ученого Броше было обращено на необходимость в различии применения публичного порядка в гражданском праве и в отношениях, которые осложнены иностранным элементом. В соответствии с данной теории, публичный порядок подразделяется на *ordre public interne* и *ordre public international* (внутренний и международный).

На наш взгляд, внутренний и международный публичный порядок тесно взаимосвязаны друг с другом. Поскольку при нарушении международного публичного порядка, нарушается и внутренний. Но эти виды

публичного порядка разные по своему содержанию и применению.

Следующим видом публичного порядка является деление на позитивный и негативный публичный порядок. Позитивный публичный порядок определяется как совокупность правовых норм, которые не допускают применения иностранного права. Негативный вид публичного порядка определяет, что иностранное право не применимо, в случае, когда такое применение противоречит особо значимым предписаниям национального правового порядка. И вследствие этого возникшие обязательства сторон, не будут подлежать правовой защите, если подобная защита противоречит *ordre public* государства.

Таким образом, позитивный публичный порядок основывается на значительном характере каких-либо отдельных норм и основополагающих принципов национального законодательства, негативный – на негативных особенностях иностранной нормы.

Публичный порядок может существовать не только в рамках национально-правового регулирования, но и в рамках международного права. Следует также выделить и такой вид публичного порядка как трансграничный, по-другому именуемый как *ordre public virement international* (действительный международный публичный порядок). Данный вид имеет свое автономное значение и складывается «за границами» какого-либо государства.

Некоторыми учеными выделяется и такой вид публичного порядка, как процессуальный. В своей книге Д.В. Афанасьев особо выделяет обширное распространение и реализацию международного публичного порядка при решении вопроса о принудительном исполнении решения на территории одного из государств, и указанное решение, вынесенное иностранным судом или арбитражем.

Следующим видом является – локальный публичный порядок или другими словами, региональный. Можно привести наглядный пример такого *ordre public*, применяемого к странам СЭВ: в этих странах, связанных единым политическим центром, существовали единая идеологическая доктрина, единая система социалистических ценностей, схожие образцы плановой экономики, идентичные правовые системы.

Подводя итоги, необходимо указать, что публичный порядок имеет особую

природу и применяется независимо от того, есть ли основание для применения иностранного права. По нашему мнению, внутренний и международный виды наиболее ясно выражают сущность публичного порядка, т.к. внутренний вид публичного порядка характеризует принадлежность государства к какой-либо системе права, с присущими только ей традициями, что важно для судебной практики, а международный публичный порядок регулирует отношения, связанные с иностранным элементом.

СПИСОК

ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бердегулова Л.А., Фахретдинов Д.М. Обжалование приговора или постановления мирового судьи // *Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире*. - 2016., - №13-4., - С. 56-60;
2. Бердегулова Л.А., Ягафарова А.И. Проблема обратной отсылки в МЧП// *Наука и общество в современных условиях*. - 2015., - № 1 (3), - С. 145-147.

Адміністративне право Адміністративний процес

АДМІНІСТРАТИВНО-ПРАВОВИЙ ПОРЯДОК ВИДВОРЕННЯ ЗА МЕЖІ КРАЇНИ ІНОЗЕМЦІВ ТА ОСІБ БЕЗ ГРОМАДЯНСТВА

Павлович-Сенета Я.П.

Кандидат юридичних наук, доцент

Львівський державний університет внутрішніх справ

Адміністративне видворення за межі України іноземців і осіб без громадянства передбачене у законодавстві України за вчинення адміністративних правопорушень, які грубо порушують правопорядок.

О. Бандурка та М. Тищенко відносять адміністративне видворення до заходів адміністративного припинення [1, с. 151]. Вони вважають адміністративне видворення самостійним попереджувально-припинювальним заходом адміністративного примусу, який «не перекриває» інших заходів покарання.

Законодавством України, а саме ст. 24 КУпАП, видворення за межі України іноземців та осіб без громадянства за вчинення адміністративних правопорушень, які грубо порушують правопорядок, однозначно віднесено до виду адміністративного стягнення, хоча така санкція не передбачена жодною санкцією статей Особливої частини КУпАП [2]. Водночас таке стягнення встановила ст. 30 Закону України «Про правовий статус іноземців та осіб без громадянства» від 29 вересня 2011 р [3].

Видворення повинно ґрунтуватися на законних підставах, які б гарантували захист прав і законних інтересів іноземців, осіб без громадянства.

Правове регулювання поняття, підстав та процедури видворення іноземців та осіб без громадянства в Україні забезпечують Закони України «Про правовий статус іноземців та осіб без громадянства» 2011 р., «Про біженців та осіб, що потребують додаткового або тимчасового захисту» 2011 р., «Про імміграцію» 2001 р., Постанова КМУ «Про затвердження Порядку продовження строку перебування та продовження або ско-

рочення строку тимчасового перебування іноземців та осіб без громадянства на території України» 2012 р., Наказ МВС України, Адміністрації ДПСУ та СБУ «Про затвердження Інструкції про примусове повернення і примусове видворення з України іноземців та осіб без громадянства» 2012 р. та інші.

Щодо самого поняття «видворення», то потрібно зазначити, що в Законі України «Про правовий статус іноземців та осіб без громадянства» 2011 р. воно відсутнє. Відповідно до «Інструкції про примусове повернення і примусове видворення з України іноземців та осіб без громадянства» 2012 р. примусове видворення становить систему адміністративно-правових заходів, спрямованих на примушування іноземців та осіб без громадянства покинути територію України всупереч їх волі і бажанню (пункт 1.2) [4].

Відповідно до п. 1 ст. 2 Протоколу 7 до Конвенції про захист прав і свобод людини та основних свобод поняття «висилка» дозволяє державі висилати іноземця, якщо таке видворення необхідне в інтересах публічного порядку або зумовлюється міркуваннями національної безпеки [5].

На практиці під видворенням слід розуміти прийняття адміністративним судом рішення про примусове залишення громадянином іноземної держави або особою без громадянства території України, з наступним забезпеченням реалізації цього рішення.

Іноземці та особи без громадянства можуть бути примусово видворені з України тільки на підставі винесеної постанови адміністративного суду про примусове видворення [4].

У законодавстві ФРН поряд із поняттям «видворення» вживається термін «депортація», під якою розуміють офіційне виконання примусового виїзду встановленого законодавством. Згідно §58 Закону ФРН «Про перебування, зайнятість та міграції іноземців в Німеччині» від 30 липня 2004 р., іноземець повинен бути видворений за межі Німеччини, якщо обов'язок полишити країну не виконано в зазначені терміни або протерміновано, або добровільне виконання не гарантовано чи з причин громадської безпеки та порядку контроль виїзду необхідний [6].

Причини видворення можуть бути різними, наприклад, порушення візового режиму, протермінована віза, відсутність яких-небудь документів або необхідних засобів, страховок і так далі [7].

Заборається колективне примусове видворення іноземців та осіб без громадянства (ст. 4 Протоколу Конвенції про захист прав та основних свобод людини) [5].

З аналізу ст. 11 і 17 Закону України «Про біженців та осіб, що потребують додаткового або тимчасового захисту» впливають «непрямі» підстави для примусового видворення [8]. Це випадки, коли іноземець чи особа без громадянства втрачають чи позбавлені статусу біженця або особи, яка потребує додаткового захисту чи тимчасового захисту.

Чинним законодавством передбачено два способи примусового залишення території України для іноземців та осіб без громадянства, які повинні покинути цю територію через наявність відповідних підстав. Це примусове повернення та примусове видворення. Вказані заходи, за своєю юридичною природою, є заходами адміністративного примусу. При реалізації процедури примусового повернення особа упродовж зазначеного у рішенні про примусове повернення строку (але не більше 30 днів) зобов'язана само-

стійно залишити територію України. Рішення про примусове повернення іноземців може супроводжуватися заборною щодо подальшого виїзду в Україну строком на три роки. А от під час процедури примусового видворення особа постійно перебуває під наглядом відповідних органів – її поміщують до ПТПП, а потім супроводжують до пункту пропуску через державний кордон України. З аналізу законодавства України випливає, що примусове видворення не є самостійним адміністративно-правовим заходом, а є наслідком попереднього прийняття щодо особи рішення про примусове повернення, скасування дозволу на імміграцію, відмови у наданні (втрати) статусу біженця чи особи яка потребує додаткового або тимчасового захисту, або інших юридичних фактів.

Список використаних джерел:

1. Бандурка О.М. Адміністративний процес: підруч. для вищ. навч. закладів / О.М. Бандурка, М.М. Тищенко. – К.: Літера ЛТД, 2002. – 287 с.
2. Кодекс України про адміністративні правопорушення: Закон України від 07.12.1984 р. № 8073-X (Редакція від 05.03.2016 р.) [Електронний ресурс]. – Режим доступу: <http://zakon2.rada.gov.ua/laws/show/80731-10>
3. Про правовий статус іноземців та осіб без громадянства: Закон України від 22.09.2011 р. № 3773-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2012. – № 19-20. – Ст. 179.
4. Про затвердження Інструкції про примусове повернення і примусове видворення з України іноземців та осіб без громадянства: Наказ МВС України, Адміністрації Держкордонслужби, Служби безпеки України від 23.04.2012 р. № 353/271/150 // Офіційний вісник України. – 2012. – № 42. – Ст. 1633.
5. Європейська конвенція про захист прав і основних свобод людини: Міжнародний документ Ради Європи від 04.11.1950 р. // Офіційний вісник України. – 1998. – №13. – Ст. 270.
6. Aufenthaltsgesetz (AufenthG) vom 30.07.2004 (BGBl. I S. 1950).
7. Hailbronner, Kay: Asyl – und Ausländerrecht. 2 Auflage, Stuttgart, 2008 – 937 s.
8. Про біженців та осіб, що потребують додаткового або тимчасового захисту: Закон України від 08.07.2011 р. № 3671-VI // Відомості Верховної Ради України. – 2012. – № 16. – Ст. 146.

Адміністративне право Адміністративний процес.

ОКРЕМІ МЕТОДОЛОГІЧНІ ПІДХОДИ ВИКОРИСТАННЯ СТРОКІВ ПРИ ВЧИНЕННІ АДМІНІСТРАТИВНИХ ПРАВОПОРУШЕНЬ

Тимчишин Т.М.

Кандидат юридичних наук

Львівський державний університет внутрішніх справ

Практика Європейського суду з прав людини та її аналіз є основною методологією дослідження правових наслідків закінчення строку накладення адміністративного стягнення в міжнародно-правовому аспекті базуються на презумпції невинуватості.

Основи методології дослідження правових наслідків закінчення строку адміністративного стягнення, в першу чергу, є підходи до визначення їх характеру і значення. Формування цих підходів залежить від поточної науки адміністративного права, що стосуються адміністративних концепцій відповідальності, адміністративних правопорушень і адміністративних штрафів. Оскільки ці категорії мають вирішальне значення для визначення меж предмету дослідження, формування її законодавчої та емпіричної бази. Їх аналіз дозволяє окреслити сферу застосування правил, які є предметом дослідження, щоб визначити частоту термінів про введення адміністративних санкцій, уточнити адміністративні і правові аспекти правових наслідків застосування.

Абсолютно справедливо висловив з цього приводу як вченого І. Л. Бородін про те, що правила, які застосовуються до Кодексу України про адміністративні правопорушення «поза межами, на які він поширює свою юрисдикцію, необхідно мати визначення адміністративної відповідальності, яке б містило у собі усі істотні характеристики зазначеного правового явища» [1, с. 86]. Так як на поточний період, адміністративна відповідальність в якості одного з видів юридичної відповідальності, передбачена ст. 92 Конституції України.

Один із засновників першого підходу для визначення адміністративної відпові-

дальності є Д. М. Лук'янець, який бачить відносини, які виникають між виконавчою владою та фізичними або юридичними особами органів. В основі цих правовідносин вважає незаконними дії, передбачених законодавством. Зміст цих відносин вбачається у застосуванні адміністративних санкцій, у визначеному законом порядку [2, с. 34, 35].

Ототожнення адміністративної відповідальності з правовідносинами здійснює і В. Б. Авер'янов, вказуючи на те, що в якості різновиду юридичної відповідальності, вона являє собою поєднання адміністративних відносин. Їхній міст, пов'язаний з використанням уповноваженими органами, та їх посадовими особами, передбачених нормами адміністративного права певних санкцій – адміністративних стягнень. [3, с. 430].

Таким чином, можна прийти до висновку, що методологія досліджень правових наслідків закінчення строку адміністративного стягнення ґрунтується на підході, згідно з яким значення терміна відноситься до правовідносин, які виникли в зв'язку із вчиненням діяння, яке має ознаки протиправного адміністративного правопорушення, яке пов'язане із закінченням строку, накладення адміністративного стягнення.

Опонентам попередньої концепції, що сформувалася, виступив В. М. Суценко, який стверджує, що адміністративна відповідальність не може бути ідентифікована, як будь-які відносини, що співставлялись з покаранням або санкціями. Адміністративна відповідальність ставиться до нього як розуміється ним як «праводієздатність

особи» служити державі та бути з її сторони оціненим за свою поведінку. За словами вченого, «регулюванню правовідносин підлягають лише процедури, які пов'язані з реалізацією такої відповідальності» [4, с. 56].

С. В. Ващенко, С. М. Алфьоров, М. М. Долгополова та А. П. Купін звертають увагу, що це відповідальність згідно якої суб'єкти, що скоїли правопорушення повинні відповідати перед державним органом, в компетенції якого є дані відносини за свої незаконні діяння. [5, с. 82].

Концепція, яка запропонована, розглядає поняття адміністративної відповідальності як негативну реакцію держави на протиправну поведінку, що розширює значення суті наслідків завершення строку накладення адміністративного стягнення.

На основі другого підходу, адміністративна відповідальність може розглядатися як результат специфічної реакції в особі державних органів, або уповноважених

осіб в той час, який минув на момент часу вчинення адміністративного правопорушення або рішення про закриття кримінальної справи.

Список використаних джерел:

1. Бородін І. Л. Адміністративно-юрисдикційний процес : монографія / І. Л. Бородін. – К. : Алерта, 2007. – 183 с.
2. Лук'янець Д. М. Розвиток інституту адміністративної відповідальності : концептуальні засади та проблеми правореалізації : автореф. дис. д-ра юрид. наук : 12.00.07 / Д. М. Лук'янець. – К., 2007. – 35 с.
3. Адміністративне право України. Академічний курс : підруч. / НАН України, Ін-т держави і права ім. В. М. Корецького ; ред. кол. В. Б. Авер'янов [та ін.]. – К. : Юрид. думка, 2009. – 583 с.
4. Сущенко В. М. Поняття адміністративної відповідальності / В. М. Сущенко // Проблеми систематизації законодавства України про адміністративні правопорушення : матеріали наук.-практ. конфер. у 2-х ч., Сімферополь, Ялта, 7-8 грудня 2006 р. / під ред. О. М. Бандурки [та ін.]. – Сімферополь : [б.н.], 2006. – Ч. 2. – 32 с. – (С. 51–56).
5. Адміністративне право. Загальна частина : навч. посіб. для ВНЗ / С. М. Алфьоров, С. В. Ващенко, М. М. Долгополова, А.П. Купін. – К. : Центр учебної літератури, 2011. – 216 с.

ПОД - СЕКЦИЯ 18. Международное частное право.

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ОФФШОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Фаизов Р.М., Хисамутдинов Д.

студенты 4 курса Стерлитамакского филиала

ФГБОУ ВО «Башкирский государственный университет

Научный руководитель – доцент кафедры, к.ю.н. *Бердегулова Л.А.*

Противодействие оффшорной деятельности явление относительно новое, хотя сам термин «отмывание денег» (именно с ним связано понятие «оффшорных зон») появилось еще в 70-х годах XX века [4, с. 99].

С позиции законодателя понятие «оффшорная зона» обозначает государство или территорию, предусматривающие льготный режим налогообложения и (или) не предусматривающие раскрытия и представления информации при проведении финансовых операций (п. 3 ст. 284 НК РФ).

Перечень государств и территорий, предоставляющих льготный режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (оффшорные зоны) был утвержден Приказом Минфина России от 13.11.2007 № 108н [3]. Как указывает Л.А. Бердегулова, мы не можем назвать хотя бы одну страну, которая существовала бы изолировано, и не воспринимала нормотворческие новшества и тенденции в свою правовую систему [1, с.170].

Согласно Российскому Национальному плану мероприятий, направленных на противодействие уклонению от уплаты налогов и сокрытию бенефициарных владельцев компаний, в ближайшем будущем будут предприниматься меры, направленные на повышение прозрачности юридических лиц, создание реестров бенефициарных владельцев компаний, совершенствование механизмов информационного обмена между компетентными органами как на национальном, так и на международном уровне [5, с.51].

Федеральный закон от 24.11.2014 № 376-ФЗ призван упорядочить и нормализовать по-

рядок использования иностранных компаний налоговыми резидентами Российской Федерации [2].

Если проанализировать практику зарубежных стран, то их законодательство также регламентирует деятельность контролируемых иностранных компаний.

Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) и «Большая двадцатка» (G20) принимают значительные усилия, чтобы обеспечить финансовую прозрачность, особенно в отношении бенефициарных владельцев юридических лиц и структур без образования юридического лица. В 2014 году ОЭСР утвердила план борьбы с размыванием налогооблагаемой базы и транснациональными схемами ухода от налогов – BEPS (Base Erosion and Profit Shifting Plan). Главными направлениями BEPS являются меры, направленные на предотвращение злоупотреблениями налоговыми льготами, предусмотренными соглашениями об избежании двойного налогообложения, совершенствование контроля над трансфертными ценами, повышение прозрачности налогового администрирования.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что Российская Федерация, принимая соответствующие законы о противодействии оффшорной деятельности только выравнивает в стране мировые стандарты условий ведения бизнеса.

Таким образом, противодействие оффшорной деятельности является весьма актуальным направлением деятельности РФ. Для того, чтобы минимизировать ущерб, который наносит оффшорная деятельность государству (в первую очередь уклоне-

ние от уплаты налогов), законодатель в последние несколько лет принял ряд нормативно-правовых актов, препятствующих осуществлению оффшорной деятельности. Следует отметить, что проблема оффшоров – не только российская, в данном направлении работает все мировое сообщество.

Литература

1. Бердегулова Л.А. Оценка влияния рецепции на формирование правовых систем квазигосударственных образований //Вестники экономики, права и социологии. 2015. №4. С.169 - 171.
2. Федеральный закон от 24.11.2014 № 376-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации (в части налогообложения прибыли контролируемых иностранных компаний и доходов иностранных организаций)» // Российская газета. – № 272. – 28.11.2014 (в ред. от 15.02.2016 №32-ФЗ // Российская газета. – № 33. – 17.02.2016)
3. Приказ Минфина России от 13.11.2007 № 108н «Об утверждении Перечня государств и территорий, предоставляющих льготный налоговый режим налогообложения и (или) не предусматривающих раскрытия и предоставления информации при проведении финансовых операций (оффшорные зоны)» (Зарегистрировано в Минюсте России 03.12.2007 № 10598) // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. – № 50. – 10.12.2007 (в ред. от 02.10.2014 №111н // Российская газета. – №270. – 27.11.2014).
4. Карпов А.С. Необходимость совершенствования системы противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, в Российской Федерации // Бизнес в законе. 2012. №4 С. 99-102.
5. Хаванова И.А. Концепция бенефициарного владельца (собственника) в налоговом праве // Журнал российского права. 2014. № 12. С. 50-60.

ІНФОРМАЦІЙНА БЕЗПЕКА: ПОНЯТТЯ ТА ВИДИ

Ярема Оксана Григорівна,

доцент кафедри адміністративно-правових дисциплін,

кандидат юридичних наук, доцент

Львівський державний університет внутрішніх справ, Львів

Відповідно до ст.17 Конституції України захист суверенітету і територіальної цілісності України, забезпечення її економічної та інформаційної безпеки є найважливішими функціями держави, справою всього Українського народу [1].

Осягнення сутності категорії поняття «інформаційна безпека» є на сьогодні важливим і пріоритетними завданнями широкого наукового аналізу. Будь-яке вчення тоді лише досягає зрілості та досконалості, коли розкриває зміст досліджуваних явищ, має певні можливості передбачати майбутні зміни не тільки у сфері явищ, а і у сфері сутностей. Пізнання сутності поняття інформаційної безпеки стає можливим виключно на основі абстрактного мислення, формування системної теорії досліджуваного предмета, виявлення певних характерних ознак, розкриття основних характеристик та особливостей поняття, що вивчається.

Слід зазначити, що дефініція «інформаційна безпека» виникла із появою певних засобів інформаційних комунікацій між членами суспільства.

Інформаційна безпека це одне з найважливіших понять як в науці, так і в різних сферах людської діяльності [2, с. 293]. Зміст і сутність цього поняття знаходить свій вираз у характеристиці сучасного інформаційного суспільства. Інформаційна безпека не може, здебільшого розглядатися тільки як окремих стан, адже це поняття охоплює багатогранну сферу, основними елементами якої є життєво важливі інтереси певної соціальної системи, що співвідносяться із зовнішніми чинниками як інтереси державних структур у рамках між-

народного співтовариства. Відповідно виводове поняття «інформаційна безпека» означає стан захищеності національних інтересів в інформаційній сфері від внутрішніх і зовнішніх загроз.

Інформаційна безпека за сферою застосування в наукових колах поділяють на: інформаційну безпеку держави, інформаційну безпеку організації, інформаційну безпеку особистості. Однак, на нашу думку, у зв'язку з розвитком та впливом Інтернет ресурсів на свідомість людини, доцільно виділити ще один вид інформаційної безпеки під назвою інформаційна безпека дитини, адже саме у молодого покоління формуються хибні елементи світосприйняття через негативну інформацію, якою рясніє Інтернет. Отже, розглянемо дані види інформаційної безпеки.

Інформаційною безпекою держави — можна вважати стан захищеності прав і свобод людини, життя і здоров'я якої визнаються найвищою соціальною цінністю в державі, при якому унеможливорюється нанесення шкоди через негативний інформаційний вплив, незаконне розповсюдження, поширення використання та порушення конфіденційності та доступності інформації.

Визначення інформаційної безпеки організації можна сформулювати як цілеспрямовану діяльність державних органів чи відповідних посадових осіб, яка полягає у використанні не заборонених сил та засобів, щодо досягнення стану захищеності певного інформаційного середовища підприємства, установи, організації, який сприяє забезпеченню її нормального функціонування і розвитку.

Інформаційна безпека особистості здебільшого характеризується як певний стан захищеності особистості від шкідливих впливів, здатних проти їхньої волі та бажання змінювати психічні стани і психологічні характеристики людини, модифікувати її поведінку та обмежувати свободу вибору та свободу дій.

Інформаційну безпеку дитини можна вважати складовою інформаційної безпеки особистості та охарактеризувати як стан захищеності дитини від отримання небажаної інформації, що може ставити під загрозу особистісну безпеку дитини як, наприклад, наслідок спілкування з небезпечними людьми [4].

На сьогоднішній день в Україні виникла потреба законодавчого регулювання поняття «інформаційної безпеки» з метою уникнення неоднозначного трактування даного терміну а також передбачення переліку інститутів, які охоплюватимуться даним поняттям. Щодо видів інформаційної безпеки, варто зазначити, що в наукових

колах розрізняють три основні її види: інформаційну безпеку держави, інформаційну безпеку організації, інформаційну безпеку особистості, проте, вважаємо, що даний перелік не є досконалим, і можливо вартує термін інформаційна безпека організації, замінити більш ширшим терміном – інформаційна безпека юридичних осіб, а інформаційну безпеку особистості розглядати як інформаційну безпеку фізичних осіб, чи суспільства в цілому, що включатиме й поняття інформаційної безпеки неповнолітніх (дітей).

Література

1. Конституція України // Відомості Верховної Ради України. — 1996. — № 30. — Ст. 141.
2. Кормич Б. А. Організаційно-правові основи політики інформаційної безпеки України : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.07 / Борис Анатолійович Кормич. — О., 2004. — 427 с.
3. Ярема О.Г., Височанська І.В. Інформаційна безпека дитини в інтернет просторі / О.Г. Ярема, І.В. Височанська // Гендерні детермінанти вчинення насильства у сім'ї та правові основи протидії: [Текст] : електронн. зб. матеріалів міжнар. Інтернет-конф. (Ів.-Франків., 26-27 травня 2016 р.) – К. : Нац. акад. внутр. справ, 2016.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЗОПАСНОСТИ ОБЪЕКТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ ГОСУДАРСТВА

Приймак М. В.

Национальный университет обороны Украины имени Ивана Черняховского, г. Киев

В статье проведен анализ методических подходов к оценке эффективного обеспечения безопасности объектов информационной инфраструктуры государства. Рассмотрены принципы и определения критических объектов инфраструктуры.

Ключевые слова: информационная инфраструктура государства, критический объект, информационная безопасность.

В связи с тем, что Украина де-факто находится в состоянии вооружённого конфликта, причём на своей территории, приходится рассматривать информационную сферу именно как ещё одно пространство противоборства. Объектами опасного информационного воздействия и, следовательно, информационной безопасности являются множество объектов информационной инфраструктуры государства (ИИГ), как государственных, так и частных.

Анализ источников [1–3] показал, что общепринятые подходы по определению критических (наиболее важных) объектов ИИГ, методы, которые определяют, возможные мероприятия и задачи по их защите находятся в стадии постоянного совершенствования вследствие увеличения и изменения угроз, воздействующих на эти объекты.

События последних лет, такие как атаки на энергетические объекты Украины с помощью программы BlackEnergy, применение кибероружия (Stuxnet и др.), физический захват объектов [4], остро ставят вопрос о создании эффективной государственной системы защиты (координации защиты) критических объектов информационной структуры от деструктивных физических и информационных воздействий.

Это порождает необходимость в определении сущности критических объектов информационной

инфраструктуры государства, которые будут учитывать чрезмерную уязвимость всех без исключения каналов связи и медиаконтента, основанных преимущественно на использовании наземной инфраструктуры [5].

Целью статьи является рассмотрение методических подходов к оцениванию эффективности обеспечения безопасности объектов ИИГ и предлагается формализованная модель функционирования объектов ИИГ.

Управление безопасностью объектов информационной инфраструктуры государства занимает всё более значимое место в функционировании государства [6], применяющего современные технологии сбора, хранения и обработки информации. Данный процесс основывается на периодическом проведении анализа информационных рисков, который позволяет своевременно выявлять угрозы информационной безопасности, уязвимости информационной системы, внедрять соответствующие мероприятия по их нейтрализации и, как следствие, постоянно отслеживать состояние информационной безопасности в государстве, учитывая новые угрозы и уязвимости.

В настоящее время используется множество разнообразных методик анализа информационных рисков, основное отличие которых заключается в применяемых шкалах оценивания уровня

риска: количественных или качественных [7-10].

В количественных методиках риск оценивается через числовое значение. В качестве входных данных для оценивания обычно используют накопленную статистическую информацию об инцидентах [11-12]. Однако частое отсутствие достаточного количества статистических данных приводит к снижению адекватности результатов оценивания.

Качественные методики более распространены [13-15]. Оценивание проводится на основе экспертных опросов, а перспективные интеллектуальные методы пока применяются недостаточно [16].

Исходя из проведенного анализа методик, можно сделать вывод, что большинство из них базируется на эвристических и/или эмпирических подходах, которые не учитывают новых видов угроз для ИИГ, особенно в сфере киберпространства. Большинство из этих методов являются детерминированными, что не учитывает динамику процесса подготовки объектов к началу активной фазы, после наступления которой они могут быть захвачены или нейтрализованы.

Такая ситуация вызывает необходимость решения задачи – **построение модели функционирования ИИГ**, которая учитывала бы неопределенность периода подготовки объектов ИИГ к активной фазе и разнообразие угроз, влияющих на объекты ИИГ.

Исходными данными для создания такой модели будут: показатель уязвимости информационной инфраструктуры государства (Z) – комплексная величина, определяемая как функция (или функционал) ряда факторов, таких как: важность объектов информационной инфраструктуры (W); угроза информационной безопасности (P); потенциально возможный ущерб (R); уязвимость объектов информационной инфраструктуры (U) и время до начала активной фазы (период подготовки объектов к определенному моменту време-

ни) (T).

В предложенной модели подготовка объектов рассматривается как дискретный процесс, созданный множествами параметров ИИГ, в определенные моменты времени $T = \{t_0, t_1, t_2, \dots, t_j\}$, с момента, когда начинается подготовка объектов ИИГ (t_0) и к некоторому моменту (t_j), который отвечает моменту начала активной фазы. Сложность определения момента t_j и, соответственно, длительности периода подготовки объектов ИИГ приводит к тому, что нужно стремиться достичь максимального эффекта защиты этих объектов на каждом шаге моделирования. Поэтому главным критерием функционирования такой системы является минимизация уязвимости информационной инфраструктуры государства.

$$Z = f(W, P, R, U, T) \rightarrow \min \quad (1)$$

Шаг моделирования определяется исходя из длительности периода подготовки объектов к определенному моменту времени t_j и должен быть таким, чтобы за это время можно было провести действия по защите объекта, с привлечением внешних средств, или организационными мероприятиями.

Такой подход позволит реализовать принцип естественного эшелонирования защиты и глобальной диверсности.

Основные же сложности анализа угроз связаны с оценкой риска информационной безопасности и его факторов (угроз, возможного ущерба, уязвимостей). Это вызвано следующими проблемами:

1. Неполнотой информации о составляющих риска и их неоднозначные свойства.
2. Сложностью создания модели информационной инфраструктуры и оценивания её уязвимости.
3. Длительностью процесса оценивания и быстрой потерей актуальности его результатов.
4. Сложностью агрегации данных из различных источников, в том числе ста-

тистической информации и экспертных оценок.

5. Необходимостью привлечения нескольких специалистов по анализу рисков для повышения адекватности оценивания (как минимум специалистов правоохранительной, технической и кибербезопасности).

Особого внимания заслуживают методы (методики) определения параметров объектов ИИГ, таких как: вес объектов в системе (ранжирование), определение их уязвимостей и мероприятий по нейтрализации деструктивных влияний.

Примером определения степени уязвимости объектов государственной инфраструктуры может служить методика, разработанная министерством внутренней безопасности США. В ее основу положена так называемая модель определения приоритетности объектов основных фондов военно-промышленной базы (The Asset Prioritization Model – (APM)) [17]. Суть ее заключается в расчете индекса рискованности объекта, зависящего от рейтинга объекта по шкале категории факторов и «веса» данного фактора. Методика может быть использована при оценке уязвимости объектов и секторов критической инфраструктуры, в том числе информационной. В этой модели значительно упрощен порядок определения рейтинга объекта с точки зрения оцениваемых параметров – от 1 до 3, где 1 – объект наименее важен, а 3 – объект наиболее важен (в других странах используется 4-х или 5-значный рейтинг).

После описания взаимозависимости объектов критической инфраструктуры ведется поиск наиболее уязвимых из них, воздействие на которые может оказать наиболее негативный эффект на всю инфраструктуру. При этом решается ряд задач, общее количество которых может варьироваться в зависимости от целей исследования и анализируемой ИИГ. Поиск ключевых объектов,

воздействие на которые может оказать наиболее негативный эффект, исследование критической инфраструктуры не ограничивается. Это только первый шаг, после чего, как правило, проводится оценивание уязвимости вскрытых «центров тяжести» с помощью метода построения дерева отказов, трансформирующегося в дерево событий, что позволяет определить возможные степени уязвимости инфраструктуры, а также их вариации. Дерево отказов представляет собой бинарное дерево со всеми возможными логическими событиями для каждого потенциального отказа. Именно дерево отказов и событий позволяют сформулировать и разработать возможные мероприятия по защите критических объектов ИИГ.

На следующем этапе разрабатываются алгоритмы оценивания рисков, смысл которых состоит в определении ресурсов, необходимых для обеспечения безопасности наиболее важных из выявленных критических объектов информационной инфраструктуры. При этом одним из главных условий остается соблюдение критерия «стоимость – эффективность», а ключевая проблема состоит в том, чтобы правильно выбрать способы и средства для организации защиты или воздействия [18,19].

В итоге получаем систему мероприятий по нейтрализации (минимизации) угроз объектам ИИГ и величины возможного ущерба.

При этом **основными задачами обеспечения безопасности объектов информационной инфраструктуры** должны являться:

1. Систематическое выявление и устранение угроз опасности и их источников.
2. Развитие и совершенствование системы обеспечения безопасности объектов ИИГ, реализующей единую государственную политику в этой области, включая разработку новых и совершенствование существующих спосо-

бов, методов и средств выявления, оценивания, прогнозирования, нейтрализации и ликвидации угроз, а также средств и методов противодействия этим угрозам.

3. Эффективное противодействие угрозам на объекты ИИГ.
4. Разработка основных направлений государственной политики в области обеспечения безопасности объектов ИИГ, а также мероприятий и механизмов, связанных с реализацией этой политики.
5. Разработка критериев и методов оценивания эффективности системы обеспечения безопасности объектов ИИГ.
6. Совершенствование нормативно-правовой базы по обеспечению безопасности объектов ИИГ.
7. Координация деятельности органов государственного управления в области обеспечения безопасности объектов ИИГ.
8. Разработка научно-практических основ обеспечения безопасности объектов ИИГ.
9. Разработка и реализация целевых программ, направленных на обеспечение безопасности объектов ИИГ.
10. Совершенствование приемов, способов, методов и средств безопасности объектов ИИГ от информационно-технических и информационно-психологических воздействий противоборствующей стороны.

Обеспечение безопасности объектов информационной инфраструктуры должно представлять собой систему мероприятий по деятельности субъектов информационной безопасности по выявлению и ликвидации (нейтрализации) угроз таким объектам, снижению рисков и величины возможного ущерба. Мировой опыт говорит о необходимости создания целостной государственной (межгосударственной) системы защиты ИИГ, сочетаю-

щей организационные, оперативные и технические меры нейтрализации различных угроз, которые постоянно развиваются, что требует совершенствования системы защиты ИИГ.

Таким образом, в статье проведен анализ методических подходов к оцениванию обеспечения безопасности объектов информационной инфраструктуры государства, приведено описание формальной модели функционирования объектов ИИГ и рассмотрены принципы определения критических объектов такой структуры и задачи по обеспечению безопасности ИИГ.

Литература

1. Харченко В С., Одарущенко О Н., Иванченко О.В. Принципы анализа и управления безопасностью критических инфраструктур // Вісник Хмельницького національного університету, 2010, №5. – с. 218-221.
2. Casalicchio, E., Galli, E., Tucci, S.: Federated agent-based modeling and simulation approach to study interdependencies in IT critical infrastructures. In: 11th IEEE Symp. on Distributed Simulation & Real-Time App. IEEE Computer Society, Los Alamitos, 2007.
3. Pederson. P. et al.: Critical Infrastructure Interdependency Modeling: A Survey of U.S. and International Research. Technical Report. Idaho National Lab, August 2006.
4. Зелена книга з питань захисту критичної інфраструктури в Україні: аналітична доповідь / Д.С. Бірюков, С.І. Кондратов, О.І. Насвіт, О.М. Суходоля. – К. : НІСД, 2015. – 35 с.
5. Європейський досвід розбудови системи захисту критичної інфраструктури: уроки для України. – НІСД. : <http://www.niss.gov.ua/articles/1371>.
Uniting and strengthening America by providing appropriate tools required to intercept and obstruct terrorism (USA PATRIOT ACT,

2001) : <http://frwebgate.access.gpo.gov>.

6. Beyer. U., Flentge. F.: Towards a Holistic Metamodel for Systems of Critical Infrastructures. In: ECN CIIP Newsletter, October/November 2006.

7. Pederson. P. et al.: Critical Infrastructure Interdependency Modeling: A Survey of U.S. and International Research. Technical Report. Idaho National Lab, August 2006.

8. Carreras, B.A., Dobson, I., Newman, D.E.: A loading dependent model for probabilistic cascading failure. *Probability in the Engineering and Informational Sciences* 19, 15–32, 2005.

9. Romani, F., Chiaradonna, S., Di Giandomenico, F., Simoncini, L.: Simulation models and implementation of a simulator for the performativity analysis of electric power systems considering interdependencies. In: 10th IEEE High Assurance Systems Engineering Symposium (HASE 2007), pp. 305–312, 2007.

10. Шелупанов А.А., Шумский А.А. Системный анализ в защите информации. М.: Изд-во «Гелиос АРВ», 2005, 224 с.

11. Малюк А.А. Информационная безопасность: концептуальные и методологические основы защиты информации. Учеб. пособие для вузов, М.: Изд-во «Горячая линия-Телеком», 2004, 280 с.

12. Чукляев И.И. Методика построения и нечеткая модель оценки защищенности и выбора классов мероприятий по минимизации рисков на основе нейронечеткого классификатора // *Известия Смоленского государственного университета*. 2015. № 2-1. С. 312-319.

13. Бутусов И.В., Нащекин П.А., Романов А.А. Теоретико-семантические аспекты организации комплексной системы защиты информационных систем // *Вопросы кибербезопасности*. 2016. № 1 (14). С. 9-16.

14. Чукляев И.И. Система комплексной защиты функционально-ориентированных информационных ресурсов информационно-управляющих систем // *Системы компьютерной матема-*

тики и их приложения. 2016. № 17. С. 85-88.

15. Inmon W. H. Building the Data Warehouse. – Wiley, 2006.

16. Fast Analysis Infrastructure Tool Department of Homeland Security's Information Analysis and Infrastructure Protection. National Infrastructure Simulation and Analysis Center (NISAC).

17. Баранник, А., Клементьев С. Организация обеспечения безопасности критической инфраструктуры в США // М: *Зарубежное военное обозрение* №8, 2009, С.3-10.

18. Кондратьев А. Современные тенденции в исследовании критической инфраструктуры в зарубежных странах // *Зарубежное военное обозрение*. 2012. №1. С. 19-30.

